

JOANNA RADOSZ

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

 ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6626-981X>

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК И МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

“SUPERFLUOUS MAN” AND “LITTLE MAN” IN THE XXI-CENTURY RUSSIAN LITERATURE

Due to the rapid social changes after the collapse of the Soviet Union there occurred a need to present a new literary character with whom the readers could identify themselves. Facing the lack of the new models of all-Russian character, Russian writers began to use well-known literary patterns from the past. The aim of the given article is to analyse the main characters of two defining works at the beginning of XXI-century Russian literature – *Generation 'P'* by Victor Pelevin and *Dukhless* by Sergey Minaev – in terms of presence of the features characterising the superfluous man and the little man. These two categories of characters in XIX-century Russian literature are being partially transposed so as to fit the contemporary mentality and conditions of everyday life.

Keywords: superfluous men, little man, Victor Pelevin, Sergey Minaev, contemporary Russian literature

В статье «Герой нашего времени» в современной прозе Вера Расторгуева подчеркивает, что, поскольку современная жизнь сближается с искусством, вплоть до слияния воедино, в ней сложно выделить четкие типы героев «общественного сознания»¹. Ирина Плеханова, в свою очередь, в работе *О редукации психологизма в новейшей прозе* указывает на упомянутый в заглавии процесс как одну из главных причин отсутствия в современной русской прозе² яркого персонажа (или ряда персонажей) с ко-

¹ В. Расторгуева, «Герой нашего времени» в современной прозе, «Филологический класс», 2009, № 1, с. 12.

² Под этим понятием мы понимаем прозу постсоветского периода.

торым мог бы отождествлять себя читатель и который отражал бы совокупность социальных тенденций³. Определенную роль играет и то препятствие, что развал Советского Союза привел к расслоению общества⁴. Невозможно решить вопрос, принадлежит ли «герой нашего времени» к слою олигархов, клерков, заблудивших в двадцать первый век *homines sovietici*, или другому социальному сословию. Поэтому современные писатели в определенной степени используют укоренившиеся в русской литературной культуре типажи, т.е. «лишнего» и «маленького человека», приспособлявая их к функционированию в обновленной среде. Другой причиной возрождения в постсоветской литературе типов, широко известных почти два столетия назад, является популярность в современной прозе постмодернистских приемов, в том числе интертекстуальность, вплоть до того, что в некоторых местах текста авторы исследуемых романов напрямую отсылают читателя к прототипам своих героев. В нашей работе мы сосредоточимся на выявлении и описании черт лишнего и маленького человека в конструкции героев двух романов-манифестов поколения нулевых годов двадцать первого века: Вавилена Татарского (*Generation 'П'* Виктора Пелевина, 1999⁵) и безымянного главного героя романа *Духless. Повесть о ненастоящем человеке* Сергея Минаева (2006)⁶.

Обоих персонажей объединяет тот факт, что они принадлежат к поколению людей, ставших взрослыми в первое десятилетие после распада СССР, и поэтому вынужденных резко поменять жизненные ориентиры вследствие политико-общественных перемен в стране. Оба героя работают в частных корпорациях; однако, нужно отметить, что Пелевин описывает первоначальную стадию возникновения корпораций в России, в то время как корпорации в произведении Минаева — явление, уже прижившееся и ставшее частью российского рынка труда.

³ И. Плеханова, *О редукции психологизма в новейшей прозе*, «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2014, № 2, с. 111.

⁴ Об этом явлении подробно пишет Алексей Воротников, ср. А. Воротников, *Расслоение общества: опасная тенденция*, «Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета» 2013, № 3, с. 115–118.

⁵ В. Пелевин, *Generation 'П'*, Эксмо, Москва 2007. Номера страниц по электронному изданию pdf-A6, доступному по адресу: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121258.

⁶ С. Минаев, *Духless. Повесть о ненастоящем человеке*, АСТ, Москва 2015.

Характерные черты лишнего человека названы и подробно описаны в соответствующей статье в лексиконе *Идеи в России*⁷. Ниже мы трансформируем приведенные Кристиной Хойницкой признаки таким образом, чтобы они соответствовали условиям начала двадцать первого века. Так, согласно лексиконному описанию, лишний человек отличается: огромным интеллектуальным потенциалом и нравственными достоинствами; отсутствием веры в успех (частично вызванным объективными обстоятельствами), вследствие чего он становится близким к Гамлету в Тургеневском определении⁸; желанием бунтарствовать против общей несправедливости, инертностью и конечным бегством от невыносимой жизни. Важной частью образа лишнего человека является любовное испытание, которое, в силу бездействия героя, оказывается для него неудачным. Из-за сосредоточенности на собственных переживаниях, он, как и Гамлет, не способен к любви⁹.

Первые три из вышеупомянутых черт легко подстраиваются под современность. Инертность же, ввиду необходимости в современных условиях зарабатывать на жизнь, должна проявляться в сведении жизненной деятельности к абсолютно необходимым действиям. Бегство лишнего человека в девятнадцатом веке было равнозначно зарубежной поездке, что невозможно аналогичным образом отнести к современности.

Во-первых, путешествовать стало намного легче и процесс путешествия не только сократился, но и протекает часто без раздумий над жизнью, поскольку он и принимается уже как должное. Во-вторых, зарубежные путешествия стали служебными обязанностями нового «лишнего человека» как сотрудника международной компании, так что ассоциируются они с трудовой повседневностью. Аналог путешествия мы найдем, руководствуясь

⁷ K. Chojnicka, *Zbędni ludzie // Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, т. I, ред. A. de Lazari, Sempet, Łódź 1999, с. 232–234.

⁸ Ср. «Что же представляет собою Гамлет? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье [...] он не пожертвует этой плоской и пустой жизнью» (И. С. Тургенев, *Гамлет и Дон-Кихот // его же, Собрание сочинений в двадцати томах*, т. XI, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1956, с. 172).

⁹ Ср. «А Гамлет, неужели он любит? Неужели сам иронический его творец, глубочайший знаток человеческого сердца, решился дать эгоисту, скептику, проникнутому всем разлагающим ядом анализа, любящее, преданное сердце?» (там же, с. 177).

его функцией — бегством от той же повседневности, возможностью обдумать жизнь и что-то изменить. Современный «лишний человек» достигает такой эффект, радикальным образом меняя обстановку своей жизни.

Критиками и исследователями отмечается присутствие черт лишнего человека в конструкции героев анализируемых нами романов. Например, Ирина Юхнова так комментирует непосредственные отсылки в романе Минаева: «‘Онегинская’ традиция проступает [в этом произведении — J. R.] очень отчетливо. А одно из изображений, выполняющее роль подзаголовка, прямо ориентирует»¹⁰. В свою очередь, в романе Пелевина намеки на «лишнего человека» являются более тонкими и осуществляются в таких деталях, как инертность, выявленная в ходе обсуждения новых рекламных идей. Татарский пассивен; чтобы преуспевать на работе, он находит либо идеи, либо наркотики, увеличивающие его креативность. Пелевин пишет:

Татарский несколько раз беспокойно обошел квартиру и вспомнил о марке, купленной в «Бедных людях». Она так и лежала в столе — за все это время не нашлось повода проглотить ее, да и страшно было. Подойдя к столу, он вынул марку из ящика и внимательно посмотрел на нее. Ему ухмыльнулось лицо с острой бородкой; на неизвестном был странный головной убор — не то шлем, не то колпак с очень узкими полями. «В колпаке, — подумал Татарский, — наверно, шут. Значит, будет весело». Больше не раздумывая, он кинул марку в рот, растер ее зубами в крохотный комоч кашицы и проглотил. После этого лег на диван и стал ждать. Но просто так лежать стало скучно. Встав, он закурил сигарету и еще раз прошелся по квартире¹¹.

Интеллектуальный потенциал и нравственные достоинства в случае безымянного Минаевского героя раскрываются еще в первых главах романа. Протагонист произведения любым способом старается быть самостоятельно думающим человеком в среде корпоративных роботов: он анализирует поведение окружающих людей, хотя в конечном итоге считает своих коллег по работе и начальство интеллектуально отсталыми. Несмотря на его погружение в мир из глянцевого журналов, с псевдохудожественными мероприятиями, наркотиками и случайным сексом,

¹⁰ И. Юхнова, «Онегинский» сюжет, «онегинский» миф, «онегинский» код, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2013, № 4, с. 182. Замеченное исследовательницей явление указывает также на интертекстуальный диалог произведения Минаева с поэмой Пушкина.

¹¹ В. Пелевин, *Generation...*, с. 196.

главный герой романа считает самого себя «Онегиным двадцать первого века», а само произведение Пушкина пытается соотнести с современным миром, объясняя друзьям, что оно является рассказом «про телок, про клубы»¹². Интеллектуальный потенциал героя раскрывается в его способности к самоанализу и осознанию недостатков не только внешнего мира, но и собственных¹³. Также он осознает поверхностность межчеловеческих отношений в современном мире¹⁴ и желает для себя более глубоких связей с другими людьми, например с Юлей. Этот момент особенно четко прослеживается в сцене, в которой герой ревнует к мнимому «другому мужчине» Юли, одновременно пытаясь объяснить самому себе, что ревность — чувство деструктивное. В итоге, однако, он приходит к выводу, что в настоящее время люди либо притворяются «глянцевыми», как его знакомые, либо упрямо пытаются играть бунтарей, как постоянные клиенты бара «Кружка».

Вавилен Татарский, в свою очередь, на первых страницах романа предстает перед читателем как нежный идеалист и интеллигент, только что окончивший учебу на филологическом факультете. Он занимается творчеством среднеазиатских республик уже бывшего СССР, что после падения Советского Союза оказывается совершенно невостребованной областью науки. Поэтому Татарскому не сразу удается найти свое место в постсоветской реальности¹⁵. Трансформация режима вызывает в нем разочарование вездесущей культурой потребления. Интеллектуальный потенциал Татарского начинает реализовываться в области рекламы — герой свободно сочетает мифологические мотивы и достижения ориентальных культур со ссылками на массовую культуру. Вскоре его отношение к потребителям рекламируемых товаров, неспособным понять гений его концептов, становится снисходительным. В романе, однако, гораздо важнее ощущений героя становится мистическое начало, которое в данном контексте можно понимать как постепенный уход Татарского от неприятной ему действительности.

¹² С. Минаев, *Duxless...*, с. 284.

¹³ Ср. «[...] Во мне просыпается стыд. От того как мерзко я ныл [Юле] по телефону, от того, как я провел эту ночь, а главное — от того, что я на долю секунды допустил, что она пропитана всем этим лицемерием и враньем, как и я» (там же, с. 294).

¹⁴ Там же, с. 13.

¹⁵ В. Пелевин, *Generation...*, с. 11–13.

Желание бунтарствовать вызывает в Татарском известие о том, что политика в России — не более, чем симуляция, руководимая PR-агентствами. Поскольку идея политиков-симуляций приходит из Запада, Татарский обращается не к началу *occidentali*, но к *orientali*. Также и главный герой Минаевского *Duxless* разочарован западными ценностями, прославляемыми такими людьми как Ванька из «Кружки», для которого, как выясняет персонаж, отечественная политическая обстановка является хорошим оправданием для бездействия. Протагонист же отходит от западничества к поискам «народной идеи, народного персонажа»¹⁶. В мире, в котором западное начало стало преобладающим, новый «лишний человек» ищет новые пути освобождения от повседневности. Однако как Татарский, так и герой *Duxless* обречены на провал и конечную инертность.

В романе Пелевина любовное испытание отсутствует. Романтические отношения в симулятивном мире *Generation 'П'* невозможны по определению. В романе Минаева, в свою очередь, испытанием является знакомство героя с Юлей, характер которой совершенно противоречит типичным в окружении протагониста людям. Он теряет свой шанс на любовь и, хотя окончание данного сюжета не выражено в тексте, инертность героя подсказывает неудачный финал попытки наладить с Юлей настоящие отношения.

В произведениях, ставших основой анализа для исследуемых типов героев, именно любовная неудача является толчком к путешествиям. В двадцать первом веке «бегство» вызывается рабочей нагрузкой — что и свидетельствует о смещении акцентов. Для героя *Duxless* аналогом путешествия в далекие края является посещение бара «Кружка», где он знакомится с людьми, во многом отличающимися от его коллег по работе. Там же герой начинает понимать, что не хочет стать таким как они, и, во имя удовлетворения мнения о собственном интеллекте, обрекает самого себя на отчуждение и бездействие. Однако, в романе присутствует и другое «путешествие» — поездка в Петербург, которая заставляет главного героя переосмыслить жизненные ориентиры. В итоге он в очередной раз хочет изменить свою жизнь, однако не приводит желание в действие.

Для Татарского «поездкой» же является переход на другую должность и сотрудничество с агентством, ответственным за

¹⁶ С. Минаев, *Duxless...*, с. 245.

«создание политики» в России. Только тогда он начинает в полной мере понимать безысходность собственного положения — единственным жизненным путем остается погружение в мистико-мифологические отношения с богиней и заодно исчезновение как человека.

Примеры героев исследуемых романов-манифестов свидетельствуют о том, что некоторые черты лишнего человека присущи также и современным литературным героям. С другой стороны, произведения как Пелевина, так и Минаева показывают трудящихся героев, втянутых в сложные внутрикорпоративные отношения, являющихся «винтиками» в машине международных предприятий. Данная обстановка отсылает к поискам в их образах элементов другого потенциального прототипа: «маленького человека». Чертами данной модели героя, подробно описанными в лексиконе *Идеи в России*¹⁷, являются: робость; погруженность в работу и слепое подчинение начальству; страх перед жизнью; инертность, вызванная отсутствием веры в возможность изменить судьбу; подражание толпе.

Главная трансфигурация в современность заключается в том, что маленький человек — это уже не обязательно сотрудник государственных структур. Более того, робость и трудовое рабство ассоциируются в отношении современных рабочих условий скорее с *modus operandi* международных корпораций, чем с государственными учреждениями. Страх же, хотя и меняется масштаб возможной жизненной катастрофы, приводит героев обоих романов к употреблению наркотиков, причем в случае Минаевского персонажа оно вызвано также желанием подражать толпе. Попытки уподобиться окружающим, свойственные «маленькому человеку», проявляются на уровне нежелания отличаться от других — как на работе (таких увольняют), так и в личной жизни (таких считают странными и с ними не общаются).

Слепое подчинение начальству, в силу умственных способностей исследуемых персонажей, является прежде всего результатом заранее принятой стратегии самых героев (тесно связанной с нежеланием выделяться). Минаевский герой, рассказывая о разрешении курить на работе, так говорит о своих начальниках: «Компания подчеркивает, что ей все равно, от чего

¹⁷ E. Mazurkiewicz, *Mały człowiek // Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*, т. V, ред. A. de Lazari, Semper, Łódź 2003, с. 152–154.

и с каким цветом лица вы сдохнете»¹⁸. В *Generation 'П'*, в свою очередь, этот элемент, выражен символически: в погружении Татарского в работу, вплоть до исчезновения настоящей фигуры героя из жизни и превращения в голограмму. Сам по себе труд, а также чувство собственного ничтожества в сравнении с системой, на которую работает герой — это основы для появления современного «маленького человека», хотя он и трудится уже не на государство, но на межгосударственные частные компании. Также зарплата позволяет ему больше, чем его же аналогу из девятнадцатого века. Тем не менее, и тот, и современный «маленький человек» — «рабы труда», неспособные покинуть круговорот повседневной жизни. Следует заметить, что инертность Татарского приводит его к удобной жизни в качестве мужа богини. В свою очередь, пассивная природа героя *Dyxless* связана также с его подходом к жизни — хотя он и декларирует желание изменить свою жизнь, его планы так и остаются лишь воображаемыми.

Страх персонажей перед жизнью вызван полосой неудач, которая наступает их всякий раз, когда они что-то предпринимают самостоятельно. Рекламные концепты, которыми Татарский по-настоящему гордится, отвергаются начальством — однако вскоре оказывается, что они осуществляются, но уже без участия главного героя. В то же время, попытки Минаевского персонажа что-нибудь изменить приводят к печальному концу — его бросает Юля, начальство недовольно его работой, а клуб, в который он вкладывает собственные деньги, оказывается мошенническим предприятием мнимых друзей. В результате герой *Dyxless* возвращается к лишённой всякого смысла повседневности, а Татарский становится супругом богини Иштар, поскольку оба героя уверены, что их попытки изменить жизнь обречены на провал. Безысходность положения выражается следующим образом: Татарский ссылается на свои свободные культурные ассоциации¹⁹, а герой Минаева бежит «в природу», где ищет по-

¹⁸ Минаев, *Dyxless...*, с. 26.

¹⁹ Очень часто цепи ассоциаций становятся абстрактными и непонятными, например в приведенном отрывке: «— Была такая восточная поэма, — сказал Татарский, — я ее сам не читал, слышал только. Про то, как тридцать птиц полетели искать своего короля Семурга, прошли через много разных испытаний, а в самом конце узнали, что слово «Семург» означает «тридцать птиц». — Ну и что? — спросил Фарсейкин, втыкая черный штепсель в розетку. — Да так, — сказал Татарский. — Я вот подумал, а может, наше поколение,

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК...

терянный смысл жизни. Следует учесть значительную разницу между причинами, заставляющими страдать «маленького человека» и «героя нашего времени» начала XXI века. Черты маленького человека у современных героев проявляются на уровне их образа жизни, но не на уровне мотивировки, поскольку как Татарский, так и герой *Duxless* теоретически способны изменить свое положение.

Герои Минаевского и Пелевинского романов плывут по течению не только из-за удобства, но и потому, что все их стремления построить собственный мир закончились неудачно. Свойственный Гоголевскому «маленькому человеку» неосознанный фатализм присущ также и им. В романе Пелевина это резко выражается в отклике господина Фарсейкина на сомнения Татарского по поводу супружеских отношений с Иштар:

Ведь как звучит — муж великой богини! Должность чисто ритуальная, обязанностей никаких, а возможности широкие. Можно сказать, любые. Но все, конечно, от воображения зависит. У покойного уборщица каждое утро ковер кокаином из ведра посыпала. Ну, дач себе настроил, картин каких-то накупил... А больше ничего и не придумал. Я же говорю — мезальянс.

— А отказаться я могу?

— Не думаю, — сказал Фарсейкин²⁰.

Предопределенность судьбы героя романа Минаева выражена менее ярко — она кроется в деталях повествования. Повествователь подчеркивает тождественность и мелочность жизни в любом месте и при любых условиях:

Когда ты въезжаешь в здешний стиль жизни, то становится совершенно понятно, что жители Северной Пальмиры ничем не отличаются от жителей Москвы. Они такие же мещане, тусовщики, клерки и просто бездельники, как и в Москве. В городе просто меньше денег, а отсюда — больше проблем²¹.

Даже пытаясь бежать от повседневности с помощью командировки, герой не в состоянии отречься от стиля жизни, и, со-

которое выбрало «Пепси», — вы ведь тоже в молодости выбрали «Пепси», да? — А что делать-то было, — пробормотал Фарсейкин, щелкая переключателями на панели. — Ну да... Мне одна довольно жуткая мысль пришла в голову — может быть, все мы вместе и есть эта собачка с пятью лапами? И теперь мы, так сказать, наступаем?» (Пелевин, *Generation...*, с. 419).

²⁰ Там же, с. 415.

²¹ С. Минаев, *Duxless...*, с. 216.

ответственно, от своей судьбы занятого рутиной клерка. Безысходность положения и невозможность изменить будущее подчеркивает последний душевный монолог, особенно отрывок, приведенный ниже:

Я мысленно перебираю варианты и понимаю, что объективно нет такого места и таких людей, с которыми я бы хотел сейчас увидеться. Потому что сценарий всех возможных встреч с моими знакомыми в любых точках земного шара известен мне с точностью до ста процентов²².

Предопределенность судьбы героя содержится в повторяемости очередных случаев, жизненных эпизодов, встреч и людей. В поисках неповторимости Минаевский герой начинает понимать, что ее не существует, и он в состоянии изменять только детали, но не суть происходящих с ним событий.

Таким образом, «герой нашего времени», то есть персонаж из ярчайших романов «поколения нулевых», проявляет черты как «маленького», так и «лишнего человека». Этот факт свидетельствует о некоей цикличности социальных образов и их места в литературе. *Generation 'П'* и *Dyxless* раскрывают печальную картину подражающего толпе, инертного героя, интеллектуальный потенциал которого заключен в теле человека-копии. Этот диагноз относится преимущественно к недостаткам общества потребления. И хотя ни Минаев, ни Пелевин не позволяют своим героям окончательно выделиться из толпы и стать символами сопротивления против поверхностного, лишенного духовных ценностей мира — то все-таки они не отнимают у читателя надежду на счастливое окончание. Нельзя также сводить анализ образов описываемых литературных героев исключительно к двум прототипам из XIX века. Создатели «героев нашего времени» учитывают в образе своих персонажей также общественно-исторический контекст: советский менталитет, хаос, вызванный переменами после падения Советского Союза, бурную и непродуманную демократизацию, создание общества потребления, а также развитие позаимствованных у Запада образцов, в том числе упомянутых выше корпораций.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающий все интерпретационные возможности анализ, но служит для определения тенденций, связывающих Пушкинского и Гоголевского

²² Там же, с. 377–378.

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК...

героя с героем произведений Пелевина и Минаева и является толчком для дальнейших исследований в этой области.

REFERENCES

- Chojnicka, Krystyna. "Zbędni ludzie." *Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Vol. I. Ed. de Lazari, Andrzej. Łódź: Semper, 1999. 232–234.
- Mazurkiewicz Ewa. "Mały człowiek." *Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Vol. V. Ed. de Lazari, Andrzej. Łódź: Ibidem, 2003. 152–154.
- Minayev, Sergey Sergeevich. *Dukhless. Povest' o nenastoyashchem cheloveke*. Moskva: AST 2015 [Минаев, Сергей Сергеевич. *Духless. Повесть о ненастоящем человеке*. Москва: АСТ 2015].
- Pelevin, Viktor Olegovitch. *Generation 'П'*. Moskva: Eksmo, 2007 [Пелевин, Виктор Олегович. *Generation 'П'*. Москва: Эксмо, 2007] <http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121258>.
- Plekhanova, Irina Innokent'yevna. "O reduksii psikhologizma v noveyshey proze." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* 2014, no. 2. 109–125 [Плеханова, Ирина Иннокентьевна. "О редукции психологизма в новейшей прозе." *Вестник Томского государственного университета. Филология* 2014, № 2. 109–125].
- Rastorguyeva, Vera Sergeevna. "'Geroy nashego vremeni' v sovremennoy proze." *Filologicheskiy klass* 2009, no. 1. 12–16 [Расторгueva, Вера Сергеевна. "Герой нашего времени» в современной прозе." *Филологический класс* 2009, № 1. 12–16].
- Turgenev, Ivan Sergeevitch. "Gamlet i Don-Kikhot." Turgenev, Ivan Sergeevitch. *Sobraniye sochineniy v dvenadtsati tomakh*. Vol. XI. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1956. 168–187 [Тургенев, Иван Сергеевич. "Гамлет и Дон-Кихот." Тургенев, Иван Сергеевич. *Собрание сочинений в двенадцати томах*. Т. XI. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1956. 168–187].
- Vorotnikov, Aleksey Aleksandrovich. "Rassloyeniye obshchestva: opasnaya tendentsiya." *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* 2013, no. 3. 115–118 [Воротников, Алексей Александрович. "Расслоение общества: опасная тенденция." *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета* 2013, № 3. 115–118].
- Yukhnova, Irina Sergeevna. "'Oneginskiy' syuzhet, 'oneginskiy' mif 'oneginskiy' kod." *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* 2013, no. 4. 181–185 [Юхнова, Ирина Сергеевна. "'Онегинский' сюжет, 'онегинский' миф, 'онегинский' код." *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского* 2013, № 4. 181–185].